

ПУГАЧЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ПУШКИНА И ЛЕРМОНТОВА

В истории литературы не так уж часты — и тем более интересны случаи, когда два больших писателя одновременно и независимо друг от друга создают произведения, посвященные одной и той же теме, в особенности, если тема эта настолько значительна, что сама ее постановка — выдающийся факт идейной жизни эпохи.

Такого рода близость связывает романы «Капитанская дочка» Пушкина и «Вадим» Лермонтова, повествующие о событиях пугачевского восстания. В литературоведении произведения эти нередко упоминаются рядом¹, но рассматриваются они большей частью как совокупность противоречащих, взаимоисключающих тенденций в изображении восстания: исторически правдивая, художественно-достоверная картина событий у реалиста Пушкина и субъективизм, нагромождение мелодраматических эпизодов вне социально-исторической основы у романтика Лермонтова². Иногда же, наоборот, Лермонтов противопоставляется Пушкину как писатель, с радикальской силой заявивший о том, что в «Капитанской дочке» звучит излишне сглаженно, приглушенно³.

Эта ориентация на разобщение произведений, на осмысление в первую очередь их различий имеет под собой определен-

¹ Вл. Архипов. М. Ю. Лермонтов. «Московский рабочий», 1965. С. Иванов. М. Ю. Лермонтов, М., «Просвещение», 1964. Е. Михайлова. Проза Лермонтова. М. 1957. Н. Пиксанов. Крестьянское восстание в «Вадиме» Лермонтова. Саратов, 1967. А. М. Докусов. Роман «Вадим» Лермонтова. Ученые записки Ленинградского гос. пединститута им. А. И. Герцена, 1947 г., т. 43.

² Е. Михайлова. Проза Лермонтова. М., 1957.

³ Вл. Архипов. М. Ю. Лермонтов. М., 1965. Это же мнение, но менее прямолинейно, высказано Н. Пиксановым хотя основной тезис его исследования при сопоставлении романов Пушкина и Лермонтова — их родство.

ную почву. Романы Пушкина и Лермонтова — действительно, произведения очень разные и по своей внутренней структуре, и по тональности, да и к тому же — несоизмеримые по художественным достоинствам (Лермонтов в «Вадиме» лишь начинает свой путь прозаика).

Однако, несмотря на это, в них содержатся большие возможности для сближения, т. к. при всем своеобразии романы эти — все же литературные явления одного плана. Рожденные в атмосфере все разгорающихся крестьянских волнений, ожидания «новой пугачевщины», исторические романы Пушкина и Лермонтова о пугачевском восстании явились воплощением передовых общественных интересов России 30-х годов, свидетельством особой актуальности темы, идейной и духовной близости писателей. Различие их лежит в пределах отдельных сторон творческого метода писателей, их индивидуальной манеры, мастерства, и это не только не разъединяет произведения, не нарушает их близости в главном: в истолковании, оценке событий, в постановке центральных проблем, но, напротив, демонстрирует внутренние связи между романтической и реалистической интерпретацией жизненного материала.

Прослеживая основные моменты в изображении пугачевского восстания, сближающие оба романа, мы получаем возмущение острее ощутить и своеобразия художественной трактовки темы, специфические особенности стиля писателей, всю неповторимость их творческого облика.

*

Для Пушкина и Лермонтова пугачевское восстание — знаменательнейший факт истории, открывающий необычайно много в осознании ее смысла, направления развития, в характере народа. Четкое понимание социальной трагедии народа, сочувствие к нему, острое чутье исторической правды определило основную концепцию произведений, не имеющую ничего общего ни с идеализацией событий, уже окутанных дымкой легенды, ни с предвзятостью в изображении крестьянской войны. Оба писателя видят в восстании Пугачева не просто красочный эпизод истории, а событие, имеющее прямое отношение к современности, которое следует осмыслить во всей его сложности и противоречиях, чтобы понять и предугадать завтрашний день России, силы и возможности народа, дать нравственную оценку грядущим социальным потрясениям.

Главным тезисом обоих произведений, основой авторского отношения к происходящему является мысль о **неизбежности** и **справедливости** народного возмущения, т. е. анализ причин, вызвавших восстание, и стремление оправдать его жесткость с передовых гуманистических позиций.

Пушкин вводит читателей в атмосферу надвигающихся бурных событий со спокойной уверенностью художника, владеющего искусством создания сложной картины при помощи выразительных и ненавязчивых деталей. Будничный быт усадьбы Гриневых, положение слуг, их отношения с господами, затем — крепость, семья капитана Миронова, где то же безоглядное собственническое хозяйствование над подчиненными, а сквозь патриархальное простодушие и доброту при случае проглядывает жесткость (допрос и пытка башкирца). И хотя все события «Капитанской дочки» даны в восприятии Гринева и окрашены смягченно-безыскусственным тоном его повествования, отношение автора к происходящему совершенно очевидно, и за кажущейся будничностью ситуаций особенно выразительно проступает их подлинный смысл и звучание.

VI глава «Капитанской дочки» непосредственно излагает предисторию восстания, так сказать, в его «эпицентре». Рассказанная Гриневым в обычной для него манере, она содержит факты большой силы и значительности, смысл которых выбивается далеко за грани представлений самого литературного героя о происходящем.

Причина возмущения 1772 года — «строгие меры», «дабы привести войско к должному повиновению», затем — «усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями», вызвавшее «мнимое раскаяние лукавых мятежников», которые «злоствовали втайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков». Неизбежность взрыва, сочувствие восставшим в самых широких кругах народа, неизбежность их участия в восстании становится явным.

Лермонтов уделяет еще большее внимание мотивировке народного бунта. Роман создавался по впечатлениям от рассказов о восстании в Пензенской губернии, славившейся жестокостью своих помещиков⁴. У Пушкина и Гриневы и Мироновы — люди, в сущности, очень добрые, и восстание, воровавшееся в их жизнь, обращено, скорее, не против них, а против самого принципа дворянского самовластья, носителями которого они являются. У Лермонтова же личность помещика играет большую роль. Нрав крепостника Палицына, порядки в его доме обрекают его на смертный приговор вместе со всей семьей. Но жестокость Палицына — только один, наиболее частный план в изображении причин восстания. Лермонтов много рассуждает в романе о социальной обусловленности пугачевщины: дворянство «не умело переменить поведение: вот одна из тайных причин, породивших пугачевский год» (гл. IV).

«Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его

⁴ И. Андроников. Исторические источники «Вадима». Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964.

рабами в книгу мщения, и только кровь их могла смыть эти постыдные летописи» (гл. IV).

В отношении же тех форм, которые принимала расправа с помещиками, оба писателя с большой убедительностью показывают неизбежность ответной жестокости, вызванной причинами глубокими и сложными. И Пушкину, и Лермонтову «беспощадность» народного восстания представлялась особо трагической стороной события, но каждый из них видел в этой беспощадности не выражение природной жестокости народа, но акт правосудия. Характерно, что в «Капитанской дочке», несмотря на то, что о событиях повествует Гринев, ни один поступок восставших не носит характера бессмысленной жестокости. Гибель семьи Мироновых, простодушных и верных своему понятию долга стариков, могла бы показаться неоправданной, если бы не одна деталь: казнят Ивана Кузьмича «изувеченный башкирец, которого, — говорит Гринев, — мы допрашивали накануне». Допрос башкирца — одна из самых тяжелых сцен романа, демонстрирующая привычную жестокость «государственных людей» по отношению к восставшим. И даже в тот момент, когда собственная казнь была для Гринева еще реальностью, он не мог не заметить в своих палачах спокойной доброжелательности судей, осуществляющих законное возмездие: «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить» (гл. VII). В «Пропущенной главе» Пушкин еще раз упоминает о доброте и справедливости крестьян, увлеченных стихийным размахом вольницы, но не теряющих при этом человечности.

Лермонтов показывает в восставших больше озлобленности, всесокрушающей мстительной энергии: «грозные речи, дышащие мятежом и убийством», «зловещий шепот» толпы, в веселости которой созревало «что-то ужасное». Восставший народ, по его мнению, — камень катящийся с горы, который «сокрушает все, что ни встретит в своем безотчетном стремлении». Но если учесть особую напряженности эмоциональный колорит романтически интерпретированных эпизодов восстания и помнить о заслуженной ненависти крестьян к Палицину, то эти проявления уже не покажутся преувеличенно устрашающими. Среди первых жертв — жена Палицына, а всего повешенных — «два или три, не больше» — подчеркивает автор. В дальнейшем восставшие охотятся лишь за Палицыным, судят его приказчика, изрядно причинившего зла крестьянам. Бессмысленную жестокость убийства старика-дворянина и его дочери автор целиком относит за счет Вадима, умело разжегшего страсти подвыпивших казаков ради утоления своей жажды мучительства.

В то же время писатели очень точно подмечают и слабые стороны в поведении восставших, их неумение пользоваться завоеванной свободой, покорность сильному. Уже на следующую

щий день после прихода войска крепостные Гринева являются на барский двор с повинною. Вытребовав себе для расправы приказчика Палицына, крестьяне загорелись желанием мести: «все глаза налились кровью, все кулаки сжались... сколько обид припомнил каждый!». Но прошло немного времени, и мстители ограничиваются тем, что запирают его в холодном амбаре. Находятся среди крестьян и такие, которые руководствуясь самыми высокими нравственными побуждениями, под страхом пыток, стремятся спасти помещика (факты спасения помещиков крестьянами во время восстания в Пензенской губернии не могли не быть известны Лермонтову. Пушкин в «Истории Пугачева» также упоминает о спасении вдовы майора Юрлова ее дворовыми людьми).

«Капитанская дочка» и «Вадим» существенно различны между собой со стороны сюжета и образной структуры. Каждый писатель по-своему отбирает и komponует исторический материал. Пушкин стремится охватить и осмыслить событие в целом, в самых характерных, ведущих проявлениях и в тех формах, которые могли бы дать читателю наиболее полное представление о всей его сущности. Отсюда и крупные образы исторических лиц и смелость сюжетного решения: Пугачев — центральная фигура повествования, народная война, ворвавшиеся в мирное течение будничной жизни героев и определившие судьбы людей, политические, социальные, психологические и нравственные коллизии романа (Пугачев — Гринева, Пугачев — оренбургцы, Пугачев — его соратники, Пугачев — Мироновы, Пугачев — Швабрин).

В поле зрения Лермонтова — сравнительно узкий круг событий, связанных с крестьянским восстанием в деревнях Пензенской губернии летом 1774 года, в пору, когда народ поднимался, уже не дожидаясь появления Пугачева. Делая руководителем восстания не Пугачева, а его ставленника «Красную шапку», получавшего указания непосредственно от Белобородова, Лермонтов, не уходит от исторической правды, а изображает одну из форм, которые принимала крестьянская война: «пугачевщина без Пугачева». Другое дело, что образ «Красной шапки» — Вадима — не получился как образ предводителя народного восстания, но общей картины это изменить не может.

Само восстание показано в романе Лермонтова как стремительный поток эпизодов, связанных между собой подчас лишь единым напряжением нарастающего мстительного порыва. По сравнению с тем, что мы находим в «Капитанской дочке», это более общий план изображения, где особое внимание уделено настроению, накалу страстей, так сказать, эмоции бунта, безудержной его экспрессии, так же уместным при воссоздании картины восстания, как и пушкинский сдержанный лаконизм. Главные фигуры сюжета — Вадим, Ольга, Юрий

Палицын и их взаимоотношения связываются с логикой развития восстания чисто внешне, чаще — искусственно вплоть до последних глав неоконченного романа, где эти параллельно идущие линии, наконец, сближаются.

Однако, изображение восстания в романе «Вадим» не противоречит тому, что мы находим у Пушкина, не нарушает исторической правды, ибо на стороне Лермонтова — также правильно понятый и оцененный ход событий, но в творческую задачу его входит стремление показать в них не только моменты социальные и этические, но и эмоциональные.

Не нарушают исторической достоверности и не взаимоисключают друг друга и разные стили повествования. Романтический и реалистический методы изображения восстания, напротив, способствуют раскрытию разных граней события, импонирующих индивидуальной творческой манере писателя. У Пушкина мы видим отсутствие эффектных сцен, стремление снизить патетику изображаемого, передать величие свершающихся событий через обыденное. У Лермонтова — предельная напряженность, динамика страстей, величественный размах действия.

Вот изображение эпизодов наиболее близких сюжетно: первый момент мятежа. Пушкинскому лаконизму, безыскусственности повествования противостоит яркая речевая экспрессия романа Лермонтова.

У Пушкина:

В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружье; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошел в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь; несколько других казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот ужо вам будет, государевым ослушникам»... (гл. VII).

У Лермонтова:

... Шум на время замолк, и потом вдруг пробежал злоеющий ропот по толпе мятежной, как ропот листьев, пробужденных внезапным вихрем. — И неизвестная рука, неизвестный голос подал знак, не условный, но понятный всем, но для всех повелительный; это был бедный ребенок одиннадцати лет не более, который заграждал путь какой-то толстой барыне, получил от нее удар в затылок и, громко заплавав, упал на землю... Этого было довольно: толпа зашевелилась, зажужжала, двинулась, — как будто она до сих пор ожидала только эту причину, этот незначущий предлог, чтобы наложить руки на свои жертвы, — чтоб совершенно обнаружить свою ненависть! (гл. XV).

Стилевая разноплановость произведений о пугачевском восстании, различие конкретных художественных решений как бы расширяет картину изображенных в произведениях событий. Будучи поставлены рядом, романы как бы взаимно дополняют друг друга в смысле полноценности, многосторонности передачи в них картины восстания.

Однако, это стилевое несходство не следует считать определяющим и абсолютным. В романе Лермонтова есть много эпизодов или даже целых глав, написанных в спокойной реалистической манере и показывающих большое знание быта, психологии, речи народа. Одним из таких моментов является, к примеру, сцена допроса приказчика (гл. XXII), блестящая тонким народным юмором, живыми красками быта.

И хотя, повинувшись ведущей в те годы тенденции своего творческого развития, Лермонтов пытается поставить во главе восстания демоническую фигуру Вадима, его участия в событиях он дает четкую реалистическую мотивировку, основанную, как показывает И. Андроников, на тех же фактах действительности, что и аналогичный мотив из пушкинского «Дубровского»⁵.

С другой стороны, в романе Пушкина есть моменты, приподнятые над обыденным, романтизированные. Связаны они с образом Пугачева, вернее с той нотой трагической обреченности, которая сопутствует ему на многих страницах романа. Пушкин явно поэтизирует своего героя, придавая подчас его размышлениям и словам почти философскую значительность (сказка об орле и вороне). Не случайны в этом плане и вещей сон Гринева, и таинственная многозначительность первого появления Пугачева на пути Гринева, и тревожная, трагедийная атмосфера пира у Пугачева, завершившегося пением бурлацкой песни. Именно такой романтизированный образ Пугачева мы находим в этюде Марины Цветаевой «Пушкин и Пугачев»⁶.

Характерно, что описывая впечатления Гринева, присутствовавшего на пиру у казаков, Пушкин приближается к стилю, памятного нам по роману Лермонтова:

«Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — все потрясло меня каким-то пиитическим ужасом». (гл. VIII).

Конечно, романтизация эта весьма относительна и условна, но она достаточно определенно дает о себе знать в общем плане повествования. А. Слонимский объясняет эту особенность романа «сказочно-песенной атмосферой, окружающей

⁵ И. Андроников. Исторические источники «Вадима». Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964.

⁶ «Вопросы литературы», 1965, № 8.

пушкинского Пугачева», т. е. тем, что образ его сложился под большим влиянием народных преданий и песен⁷.

* *
*
*
*

Близость романов Пушкина и Лермонтова о пугачевском восстании следует оценить как примечательное явление общественной и литературной жизни 30-х годов. Она показывает всю степень актуальности данной трактовки исторической темы для русской литературы тех лет, остро и категорично поставившей вопрос о народном восстании и его роли в исторических судьбах России.

⁷ А. Слонимский. Мастерство Пушкина. М., 1959, стр. 514—516.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. С. М. КИРОВА

КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ

1968